

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

№ 18 / 24.01.2023

Восточная Европа в 2022 году: главный очаг будущей мировой войны?

Сергей Богдан, Денис Мельянцов и Евгений Прейгерман

Нежелание глобальных игроков учитывать интересы друг друга, а также попытки пересмотреть правила игры и установить выгодную им новую нормативность в международных отношениях привели мир к российско-украинской войне. Она сделала давно начавшуюся трансформацию ландшафта европейской безопасности безвозвратной и создала возможности для коррекции международных норм и реалий силовым путем.

Эти события не стали новинкой 2022 года, а следовали из тенденций, описанных ранее в многочисленных публикациях «Минского диалога»: региональной милитаризации, распада системы мер военной транспарентности, враждебной риторики и военно-политической конфронтации. Так, в прошлогодней итоговой [аналитической записке](#) «Безопасность Восточной Европы в 2021 году: балканизация региона» мы отмечали на основании динамики показателей мониторинга «Минский барометр», что «темпы военных приготовлений в регионе усиливаются и достигают опасных значений». Отдельно мы подчеркивали, что «ведущее к отказу Беларуси от нейтралитета давление со всех сторон способствовало срастанию очагов региональной напряженности – началу слияния донбасского, крымского и белорусского кризисов и их взаимоусилению». На таком фоне конкретное место и момент начала войны были лишь делом времени, поскольку были созданы все предпосылки для вооруженного конфликта.

Война как конец и война как начало

Регион шел к войне не один год, меняя логику, коммуникации и политэкономии международных отношений в Восточной Европе. Идейное сопровождение этих процессов

было обеспечено мега-идеологиями евроатлантизма (включающему в себя отсылки к набору либеральных ценностей) и российской имперской реставрации (с отсылками к концепции традиционных ценностей). Однако идеологические платформы лишь усиливали процессы, основным же драйвером был конфликт интересов.

Москва не смогла достигнуть быстрых результатов в ходе военной кампании в Украине. Фундаментальной проблемой стала недооценка субъектности и жизнеспособности Украины как государства. Многие в России ожидали, что украинские чиновники и военные массово прекратят подчиняться Киеву вскоре после начала боевых действий и перейдут на российскую сторону. Этим, вероятно, объясняется и выбранная тактика: до осени Россия воевала армией мирного времени и не проводила мобилизацию. Также в Москве ожидали, что быстрые военные успехи не позволят активно вмешаться в ситуацию западным государствам (что соответствовало оценкам и в некоторых западных столицах).

Однако эти расчеты не оправдались, особенно на севере Украины, который армия РФ покинула уже к середине весны. На юге ситуация развивалась несколько более успешно для Москвы: российские войска к лету пробили и расширили сухопутный коридор в Крым. Этот коридор, очевидно, был одной из первоочередных целей Москвы в войне. Однако дальнейшее наступление завязло на подступах к Николаеву, и Россия не смогла достичь вторую стратегическую цель – лишить Украину выхода к морю с последующим соединением с российскими и пророссийскими силами в молдавском Приднестровье. На третьем направлении – востоке Украины, т. е. Донбассе – Москва смогла взять под контроль новые территории, но вскоре увязла в малоподвижных боях. Это неудивительно, учитывая многолетнюю подготовку украинцев к российским действиям именно на этом направлении.

Постепенно РФ переключилась на тактику «перемалывания» Вооруженных сил Украины (ВСУ) при максимальном сохранении своего личного состава. Но в конце концов осенью Москва была вынуждена прибегнуть к частичной мобилизации, на фоне стагнации на фронте и стремительного снятия ограничений на поставки западного вооружения Киеву.

В сентябре Украина провела успешное контрнаступление на харьковском направлении, освободив около 3 тыс. кв. км территории, в конце сентября ей также удалось отбить город Лиман. В ноябре российские войска оставили город Херсон и окрестности и организованно отступили, сохраняя сухопутный коридор в Крым и боеспособный контингент. Под Бахмутом, начиная с лета, российские войска сравнительно небольшими силами продолжили медленно продвигаться вперед. Этот район превратился в подобие [«верденской мясорубки»](#) времен Первой мировой войны.

Осенью произошли качественные изменения: началась «война городов». Москва стала уничтожать критическую гражданскую инфраструктуру Украины, а Киев, в несравнимо меньших масштабах, начал наносить удары по сопредельным российским областям. Еще

раньше Украина начала опробовать более асимметричные формы войны, которые подразумевают атаки и диверсионные действия в тылу противника. Ей удалось провести ряд громких операций в глубине российской территории, в том числе в отношении важнейших военных объектов. Например, 5 и 26 декабря украинские военные [нанесли](#) удары с применением беспилотников по аэродромам в Саратовской и Рязанской областях РФ, на которых базируются стратегические бомбардировщики.

К концу года война приобрела малоподвижный характер уже на всех направлениях, произошло «замораживание» линии фронта. В декабре российская армия взяла деревню Павловка, что стало ее крупнейшим успехом с лета. 22 декабря начальник Генштаба РФ Валерий Герасимов [заявил](#), что основные усилия войск сконцентрированы на Донбассе.

10 ноября генерал Марк Милли, председатель Объединенного комитета начальников штабов США, [оценил](#) потери России и Украины в войне как «гораздо больше» 100 тыс. человек с каждой стороны. Подобные оценки звучали и от европейских политиков. Выступая 30 ноября, глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен [заявила](#): «Согласно оценкам, на сегодняшний день было убито более 20 тыс. мирных жителей и 100 тыс. украинских военных». Позже Еврокомиссия скорректировала это заявление, добавив, что речь идет об общем количестве убитых и раненых.

Росли [риски](#) более активного вовлечения в войну третьих государств, расширения боевых действий на новые страны, а также особенно опасного слияния войны в Украине с очагами напряженности и войнами в других частях мира. Последнее при наиболее неблагоприятном сценарии может стать механизмом перерастания локальной войны в сеть взаимосвязанных конфликтов и их слияния в мировую войну.

И без того малочисленные попытки миротворчества выглядят еще менее перспективными. Эта ситуация сохранится до момента, когда либо эскалация вплотную подойдет к черте глобального ядерного конфликта, либо наступит взаимное истощение на поле боя, либо масштабы экономического кризиса сформируют доминирующий общественный запрос на окончание войны.

Фрагментация региона

Российско-украинская война стала удобным объяснением всему происходящему в регионе, но зачастую это мнимое объяснение явлений и процессов, имеющих иные происхождение и мотивацию. Примером является углубление рубежей и милитаризация в уже разорванном между военными блоками регионе. Этому в значительной мере способствовал спад международного сообщения во время двухлетней пандемии, а сами транзитные потоки и соединенность (connectivity) региона начали разрушаться намного раньше и в результате целенаправленных действий многих сторон.

В 2022 году Литва успешно [ограничила](#) российский транзит в Калининградскую область, оставив к августу лишь железнодорожный транспорт, а затем продолжила попытки остановить и его, сославшись на проблемы с приемом оплаты транзитных услуг. Одновременно была озвучена [идея](#) блокады российского судоходства на Балтике.

Меньший резонанс вызвали меры, предпринимаемые странами ЕС-НАТО и Украиной в отношении сообщения с Беларусью. На фоне постепенного прекращения железнодорожного сообщения с весны были введены [запрет](#) на грузоперевозки белорусскими и российскими перевозчиками в ЕС и ответная симметричная мера относительно перевозчиков из стран ЕС в Беларуси и России (хотя в конце года Минск в одностороннем порядке [отменил](#) свой запрет). Сопредельные страны (особенно Литва и Польша) продолжали повышать степень неопределенности в отношении любого движения людей и транспорта через границу с Беларусью, значительно и без публичного объявления сокращая число пропускаемых людей и транспортных средств. Это привело не только к большим очередям, но и де-факто усилило полублокаду Беларуси. Параллельно Литва и Польша возвели первоначальную стену на границе с Беларусью с намерением ее укрепить, а Латвия приступила к строительству такой стены. Украина заминировала границу с Беларусью. В приграничных с Беларусью районах Польши ограничена деятельность СМИ и НГО, а пересекающие эту границу лица, ищущие убежище, оказываются в неясной правовой ситуации, когда соблюдение в их отношении правовых норм ЕС и международных конвенций оказывается под вопросом.

В начале ноября началось возведение ограждения и на польско-российской границе в Калининградской области. Этот шаг положил конец остаткам системы местного приграничного передвижения между РФ и Польшей, которую Варшава начала [ликвидировать](#) с 2016 года. Формальным поводом строительства ограждения названа гипотетическая опасность притока нелегальных мигрантов. Такой же забор на границе с РФ [строит](#) Эстония, а Финляндия – планирует это сделать.

Все больше людей с ружьем

В регионе становилось не просто больше непреодолимых границ – вдоль этих границ росло число военнослужащих, готовых к применению военной силы. На [саммите](#) НАТО в Мадриде была принята новая [Стратегическая концепция](#) альянса, в которой Россия названа «самой значительной и прямой угрозой». Среди непосредственных угроз, связанных с РФ, в документе упомянута «военная интеграция с Беларусью». Страны НАТО договорились о «долгосрочной поддержке» Украины и дальнейшем увеличении своих военных расходов, а также пригласили Швецию и Финляндию вступить в альянс.

На том же мадридском саммите балтийские страны [потребовали](#) постоянного размещения на своей территории иностранных военных контингентов численностью 50 тыс. военнослужащих для обороны «Сувалкского коридора» (на момент саммита их численность

составляла около 4 тыс.). Конкретные решения по усилению восточного фланга НАТО опубликованы не были, но было объявлено об увеличении численности Сил реагирования с 40 тыс. до 300 тыс. солдат. Президент Байден заявил, что США увеличат количество своих солдат и техники в Европе, включая развертывание штаба 5-го корпуса в Польше (он станет первым американским соединением, дислоцированным на восточном фланге НАТО на постоянной основе), наращивание сил в странах Балтии, ФРГ и других регионах.

25 августа президент РФ Путин [подписал](#) указ, увеличивающий с 1 января 2023 года штатную численность вооруженных сил России на 137 тысяч военнослужащих до 2 млн 400 тыс. человек, включая 1 млн 151 тыс. военнослужащих. В ходе состоявшейся 21 декабря расширенной [коллегии](#) Минобороны России было объявлено о формировании двух новых военных округов – Московского и Ленинградского (из состава Западного), трех мотострелковых дивизий и армейского корпуса, двух десантно-штурмовых дивизий, пяти артиллерийских бригад и пяти дивизий морской пехоты. Вероятно, эти соединения будут дислоцированы в западном направлении, хотя значительная их часть в связи с расширением НАТО за счет Финляндии и Швеции уйдет на Северо-Запад РФ, во многом демилитаризованный в последние десятилетия. При этом планируется, что численность военнослужащих по контракту в ВС РФ к концу года достигнет 521 тыс. человек (в 2010-х гг. их численность удвоилась и составила в 2020 году 405,1 тыс.).

Стремление Польши к преобладанию в регионе и континентальной Европе

Война в Украине послужила катализатором перестановки сил в ЕС-НАТО. Польша сделала ставку на наращивание военного потенциала для фундаментального изменения военного баланса в регионе и внутри НАТО. Это происходит по двум направлениям: наращивание собственного военного потенциала и попытки стать де-факто главным американским союзником в континентальной Европе (в некотором роде аналогом другого американского союзника – Великобритании). Приведем несколько наиболее показательных фактов.

Польша [заключила](#) с США договор о закупке танков Abrams и заявила о планах закупить 27 дивизионов системы M142 HIMARS, т.е. около 500 пусковых установок. Примечательно, что всего с начала 1996 года было [изготовлено](#) лишь 540 установок этой системы, которая создана как наступательное оружие для морской пехоты. Позже Варшава направила запрос на приобретение 96 американских вертолетов AH-64 Apache. В июле было [подписано](#) рамочное соглашение о закупке южнокорейских вооружений на сумму, по разным оценкам, от 15 до 20 млрд долларов. В список вошли 980 танков K2, 648 самоходных бронированных гаубиц K9 и 48 самолетов-штурмовиков FA-50.

Поставки южнокорейских вооружений начались уже в конце 2022 года и будут в основном завершены к концу 2025 года, после чего в Польше начнется производство этих видов оружия с участием собственной оружейной отрасли. Также польское правительство [подписало](#) с

южнокорейским производителем контракт на поставку 288 РЗСО K239 Chunmoo и намерено купить «очень большое количество ракет», высокоточных радиусом действия до 70 км и тактических радиусом действия около 300 км. Кроме того, Варшава готовится приобрести американские ударные беспилотники MQ9B Reaper, а до их получения предварительно арендует такие БПЛА у производителя. И это несмотря на то, что в конце октября Польша начала получать турецкие ударные БПЛА «Байрактар». Все это указывает на планы Варшавы вооружиться как можно быстрее.

30 августа премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий [объявил](#), что в 2023 году и без того значительные военные расходы страны более чем удвоятся – до 29 млрд долларов. Это связано и с закупкой вооружений, и с планируемым увеличением численности армии (будут сформированы две новые дивизии). Также [подготовлен](#) законопроект, предусматривающий увеличение армии с нынешних 110 тыс. до 250 тыс. военнослужащих и формирование 50 тыс. резервистов (без введения воинской повинности). Одновременно Варшава продолжает сооружать объекты инфраструктуры для развертывания американских сил, прежде всего 5-го корпуса. В ноябре министр обороны Польши [заявил](#) о намерении расширить авиабазу США в Повидзе, на которой дислоцируются ударные вертолеты «Апач».

Возвращение Германии?

Несмотря на многочисленные претензии к Германии со стороны союзников по НАТО по поводу недостаточной активности Берлина в военно-политическом противостоянии с Москвой, все более отчетливо просматривается тенденция постепенного нарастания роли Германии в Восточной Европе. В июне стало известно, что правительство ФРГ [решило](#) увеличить имеющееся военное присутствие (более 1000 солдат) в Литве на 500 человек, а также разместить в самой Германии дополнительную бригаду (3500 солдат) для усиления сил НАТО в Литве. В июле в Литве [заявили](#), что инфраструктура для расположения этой бригады на литовской территории должна быть готова к середине 2025 года (а не к 2027 году, как планировалось ранее). Ее подразделения расположатся в Паневежисе, Клайпеде, Сувалкии и Руднинкае. Вся строящаяся в настоящее время инфраструктура позволит разместить в стране еще 15 тыс. солдат.

Можно ли долго плыть против течения?

Естественным следствием санкций, введенных против Беларуси в конце 2020 – начале 2022 годов странами Запада и Украиной, стало беспрецедентное сужение поля Минска для внешнеполитического маневра. Это обстоятельство сделало невозможным продолжение белорусской политики [ситуационного нейтралитета](#) и предопределило роль Беларуси в российско-украинской войне. Санкции после начала войны привели к фактической полублокаде Беларуси: возможности для передвижения людей и товаров закрыты или существенно ограничены на всех границах, кроме российской. Такое положение дел, а также

игнорирование странами ЕС-НАТО предложений Минска активизировать инструменты военной транспарентности в условиях нарастающей региональной милитаризации стимулируют дальнейшее сближение Беларуси и России во всех сферах, в том числе военной.

При этом Беларусь очевидно стремится избежать прямого вовлечения в боевые действия, в том числе за счет часто незамечаемых или игнорируемых СМИ и дипломатами действий. Например, Минск показательно вывел на границу с Украиной части специальных операций, в то время как на границы с Польшей и Литвой выводились полноценные войсковые соединения (в частности, мотострелковые части). Южные районы страны оставались в значительной степени демилитаризованными, там лишь началось обустройство границы. К слову, неподготовленность военной инфраструктуры южных районов Беларуси (как следствие прошлой политики ситуационного нейтралитета), судя по всему, существенно сузила возможности Москвы в проведении операции на киевском направлении. Создание Южного оперативного командования оставалось лишь планом в 2022 году. Правда, здесь явно имел место фактор отсутствия дополнительных войск и необходимого финансирования.

Показательны также подчеркнута сдержанная [реакция](#) официального Минска на ракетный инцидент 29 декабря и остающиеся актуальными белорусские инициативы в области повышения [транспарентности](#) военной деятельности и [мер доверия](#). Однако в условиях растущей региональной напряженности эти инициативы, если они остаются без ответа, не могут выдвигаться бесконечно, так как Минск вынужден повышать собственную обороноспособность доступными средствами, что в имеющихся условиях означает углубление военного сотрудничества с Россией.

Рост российского военного присутствия на «белорусском балконе»

В ситуации отсутствия у Минска и желания, и возможностей для участия в российской кампании в Украине Москва делает ставку на наращивание собственного военного присутствия в Беларуси. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать и попытки белорусской стороны подключиться к стратегическому планированию, касающемуся в том числе доступа к ядерному оружию. Минск попробовал добиться не просто новых поставок дорогостоящих вооружений, но и повышения собственного статуса в регионе вообще и в отношениях с самой РФ, в частности. В конце июня руководители двух стран договорились «отзеркалить» модель доступа европейских союзников США к ядерному оружию («nuclear sharing»). Было [решено](#) дооборудовать белорусские самолеты для возможного применения ядерного оружия и подготовить летный состав. Также было объявлено о передаче Беларуси ракетных систем «Искандер-М», пригодных для запуска ракет с ядерными боеголовками.

В начале октября в связи с ростом напряженности принято решение о немедленном [развертывании](#) региональной группировки войск (сил) Беларуси и России. По официальным

[заявлениям](#), численность российских военнослужащих в составе совместной группировки должна была составить менее 9 тыс. человек. Минобороны Беларуси [подчеркнуло](#), что воинские части будут размещены на четырех полигонах в восточной и центральной (не южной!) частях Беларуси, а основой группировки является белорусская армия «по штату мирного времени». В состав группировки также входят части и соединения Западного военного округа РФ и Балтфлота, что означает ее изначальную ориентацию на действия прежде всего в северном и западном направлениях (балтийском регионе), а не южном (украинском).

В конце октября Александр Лукашенко [одобрил](#) проект соглашения с РФ о создании и функционировании учебно-боевых центров совместной подготовки военнослужащих, которые, вероятно, можно рассматривать как прообразы военных баз. А в начале декабря был [подписан](#) протокол о внесении изменений в Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере от 19 декабря 1997 года. Изменения упрощают процедуры функционирования группировки и возможности ее оперативного применения.

Вместо прогноза: на пути к мировой войне?

Оценивая совокупную динамику и направленность военной активности в Восточной Европе, можно констатировать очевидные тенденции, движущая сила (или инерция) которых не позволяет остановить или обратить их вспять.

Есть все основания ожидать, что российско-украинская война станет затяжной и растянется на годы. Стороны практически уравнивают друг друга в смысле ресурсов, которые они могут использовать в войне, и, судя по всему, способны поддерживать приток ресурсов на этом уровне еще достаточно долго. Россия обладает огромными людскими и материальными ресурсами, но в силу различных причин пока не готова к их интенсивной мобилизации. Украина же, несмотря на свои объективно меньшие возможности, активно пользуется ресурсами стран НАТО и иностранных добровольцев. При этом рост поставок западного вооружения вряд ли ведет к линейному росту преимуществ Киева на поле боя. Опыт многочисленных конфликтов показывает, что технологические возможности западных вооружений переоценены в СМИ.

Затягивание войны повышает вероятность ее перехода в более крупномасштабный формат и географического расширения, поскольку иного выхода из стратегического тупика может не быть. Как мы показали выше, к такому расширению конфликта и готовятся страны региона.

Ситуационный нейтралитет, которого Беларусь придерживалась в предыдущие годы и который имел значительный деэскалационный потенциал для всего региона, оказался

невостребованным сторонами конфликта и ключевыми акторами в Восточной Европе. Это стало понятно еще в 2020-2021 годах и полноценно проявилось в 2022 году. Рост российского влияния в Беларуси не просто принимается как неизбежность со стороны стран Запада и Украины – в некотором смысле превращение Беларуси в продолжение РФ в военно-стратегическом отношении выглядит для многих из них более приемлемым, чем стремление Минска к нейтралитету. Вероятно, нейтральный статус Беларуси сковывал бы действия сторон: не позволял бы России использовать территорию и воздушное пространство Беларуси и лишал бы противников Москвы возможности использовать Беларусь как площадку для поэтапной эскалации конфликта с Россией. Также, с точки зрения оппонентов Кремля, он создавал бы для России некое подобие «окна в мир» в виде потенциально нейтральной страны рядом с Москвой, тогда как в нынешнем варианте Беларусь становится для Москвы дополнительным бременем в силу необходимости ее защищать и поддерживать. Эти расчеты могут казаться убедительными в краткосрочной перспективе, однако в итоге они могут стать фатальными для белорусской государственности и лишит регион многих возможностей для обустройства будущей модели безопасности.

Сергей Богдан

Научный сотрудник, Институт истории им. Фридриха Майнеке Свободного университета Берлина; член Экспертного совета «Минского диалога»

Денис Мельянцов

Координатор программы «Внешняя политика Беларуси» Совета по международным отношениям «Минский диалог»

Евгений Прейгерман

Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»